

В смирительной рубашке европеизации

Польша пытается найти новый *modus operandi* членства в ЕС.

Адам Трачик | 20.12.2016



Европейская история подходит к концу?

Более четверти века тому назад Фрэнсис Фукуяма провозгласил тезис о конце истории и триумфе либеральной капиталистической демократии. Для Польши конец истории пришел в 2004 году, когда вместе с девятью другими странами она вступила в Европейский союз. Подходит ли как раз сейчас к концу эта европейская история?

Европейский союз действительно казался коронным аргументом для тезиса Фукуямы. Поэтому почти символическое значение имеет тот факт, что книга «Конец истории», в которой политолог развивает и обосновывает свой исходный тезис, появилась в 1992 году – то есть тогда, когда был подписан Маастрихтский договор. С точки зрения Польши, а также других стран Центральной и Восточной Европы, европейская интеграция проиллюстрировала конец истории особого рода – собственно говоря, окончательное «возвращение в Европу». Даже если разнообразные политические и общественные силы приписывают понятию «Европа» различные толкования и ожидания, попадание в Европу для большинства политических элит и общества было важнейшей стратегической целью, достойной самых больших стараний.

Попадание в Европу для большинства политических элит и общества было важнейшей стратегической целью.



В то же время Польша смогла вместе почти со всем регионом скользнуть на гребне волны, которая, вероятно, была уникальной за всю его историю. При поддержке со стороны Соединенных Штатов и Германии, а также при сдержанном настрое России это означало для лиц, ответственных за принятие решения, поднять паруса, крепче держать в руках штурвал и использовать попутные течения.

После вступления ситуация изменилась очень мало. «Ходить под парусом в доминирующем потоке европейской политики» – это было девизом. Даже кратковременное отклонение от основного курса, например, когда между 2005 и 2007 годами у власти находились братья Качинские, было скорее риторическим, чем реально-политическим изменением. Потому что Польша получила преимущества от сближения с Европой: экономически – за счет интеграции в европейский внутренний рынок, финансово – за счет структурных фондов, в сфере политики безопасности – благодаря более тесной интеграции в западные институты, а также путем адаптации государственных органов к европейским стандартам.

Польша быстро стала надежным партнером в ЕС, но влияла на Европу и формировала ее меньше, чем пыталась адаптироваться.



Несмотря на то что Польша быстро стала надежным партнером в ЕС, она влияла на Европу и формировала ее меньше, чем пыталась адаптироваться. Критическая полемика о роли Польши в расширенном Европейском союзе происходила довольно редко – так же редко, как о модели развития Польши внутри ЕС и ее возможных границах. Со временем эту нишу заполнили прежде всего голоса из национально-консервативного лагеря: Польша якобы живет в «золотой смиренной рубашке европеизации», как сказал консервативный политолог Томаш Гроссе (Tomasz Grosse) по случаю десятилетнего юбилея вступления Польши в ЕС. Польша должна выбраться из капкана зависимого роста – такова была оценка ситуации.

После смены правительства осенью 2015 года новое правоконсервативное правительство позволяет конкретным действиям следовать этому диагнозу. Маневрирования, однако, затрагивают не только европейскую политику. Большой частью они являются следствием внутривнутриполитических целей правительства, которое пытается изменить конституционный, институциональный, политический и экономический статус страны. В результате получается спор с Европейским союзом. Он будто бы не должен вмешиваться во внутренние дела Польши – без разницы, идет ли речь о перераспределении беженцев, о методике проверки государственно-правовых стандартов после приостановки деятельности конституционного суда, о правах женщин или о защите окружающей среды.

С политической точки зрения «поднятия с колен» Польша должна вернуть себе свой суверенитет.



С политической точки зрения (или лучше сказать – поэтической?) «поднятия с колен» Польша должна вернуть себе свой суверенитет. Однако независимо от того, трактуется ли новая европейская политика Польши, мягко выражаясь, как попытка найти новый *modus operandi* польского членства в ЕС за пределами «мейнстрима» или же как граничащий с фатализмом скептицизм в отношении Европы, ведущий к возможно большему отмежеванию от Брюсселя,

совершенно очевидно, что такое изменение курса несет в себе существенные риски.

Дело в том, что этот европолитический переломный момент совпадает с европейскими кризисами: финансовым кризисом, агрессией России в Украине и угрозой европейской безопасности, Brexit и кризисом с беженцами. Особенно два последних застали Польшу врасплох. С одной стороны, для Польши впервые с момента вступления в ЕС это означает давать немного больше, чем преимущественно брать. В то же время Польша, собственно говоря, не может уйти от ответственности, так как без Великобритании у национально-консервативного правительства в Варшаве отсутствует решающий партнер для того, чтобы реформировать ЕС по своему желанию и предотвратить дрейф Польши на европейскую периферию.

Развал Евросоюза не является целью правительства, но оно не очень серьезно воспринимает такую опасность.



Между тем правительство поступает с точностью до наоборот. Вместо того чтобы вместе с европейскими партнерами искать конструктивные решения, оно пытается держаться как можно дальше от всех проблем. Этим оно содействует центробежным силам, которые могут привести к дезинтеграции ЕС. Хотя с большой уверенностью можно сказать, что развал Евросоюза не является целью правительства, оно, как представляется, не очень серьезно воспринимает такую опасность.

Означает ли это, что Польша долгое время будет находиться в стороне от европейской интеграции? Конечно, нет. ЕС по-прежнему имеет в польском обществе высокий уровень поддержки до 80%. Проевропейским силам следует использовать нынешний кризис как повод для того, чтобы серьезно задуматься о будущем ЕС и о Польше в ЕС. Они должны признать свои ошибки и на них учиться. Потому что недостаточно с ностальгией призывать старые добрые времена. Во-первых, мы можем исходить из того, что вчерашняя Европа больше не вернется. Во-вторых, старая Европа в конце истории оказалась совсем не такой уж и хорошей. Сегодняшний ЕС похож на клубок кризисов и находится под мощным давлением необходимости изменений.

Проевропейские силы в Польше – и во всей Европе – должны побороть критику Европейского союза со стороны евроскептиков. Результатом этой критики должно оказаться не отрицание сообщества и обращение к национальным государствам, а конструктивная концепция новой Европы. Концепция – которой сегодня пока еще нет – демократической, солидарной и социальной Европы. Некоторые важные импульсы для решений подают существующие левопрогрессивные партии, например, партия Razem (Partia Razem / партия «Вместе») в Польше. Чтобы этот процесс удался, потребуется, вероятно, не только политическое, но и кадровое обновление проевропейского лагеря. Только так можно вызвать новую волну воодушевления проектом созидания Европы.

Европа формируется кризисами и комплексом решений, которые принимаются в эти кризисные времена.



Существует достаточно готовых политических инструментов, чтобы работать для этого изменения: фракции в Европарламенте, политические партии, гражданские сообщества, разнообразные

политические и научные сетевые ресурсы, города и регионы... Эти каналы следует заполнить идеями.

Жан Монне (Jean Monnet) отметил в своих мемуарах, что Европа формируется кризисами и комплексом решений, которые принимаются в эти кризисные времена. Для Польши и всей Европы настало время искать такие решения.